

ЭТИ ПРОМЧАВШИЕСЯ ДВА ЧАСА...

НА КОНЦЕРТЕ ЗИНОВИЯ ГЕРДТА

Припоминая расхожую мысль: каждый выход актера на сцену — это выход на бой, цель которого — завоевание публики, можно будет, дабы не слишком интриговать читателя, сразу же сказать, что «отчетный бой», происходивший в Доме актера имени А. Хоравы, народный артист РСФСР Зиновий Гердт выиграл. И выиграл с блеском. В чем, видимо, не сомневается и сам, принимая глубинный смысл прочитанного уже в первые минуты творческого вечера стихотворения Бориса Пастернака со строкой «но поражения от победы ты сам не должен отличать».

Это стихотворение словно бы само собой явилось в его рассказе «о профессии, о друзьях, о себе», как появлялись потом другие стихи других поэтов — всегда как-то вдруг и всегда к месту — органичная часть того разговора с нами — с публикой, который затеял по принципу импровизационности Зиновий Гердт, разговора, который почти невозможно передать — не столько из-за недостатка места в газете, сколько из-за неповторимости интонаций, типографскими знаками не передаваемых.

Со стихами, с рассказами о людях мгновенно перевоплощавшийся Гердт являл нам их моментальные портреты. Так прошли перед нами Светлов, Твардовский, Арбузов, Плучек, Гафт, об-

разцов, Мейерхольд. Нам, которым не довелось самим видеть Всеволода Эмильевича, теперь, пожалуй, при любой встрече с его именем, будет вспоминаться пленительный рассказ Гердта. Как и сценка экзамена у Образцова (готовившего тогда к

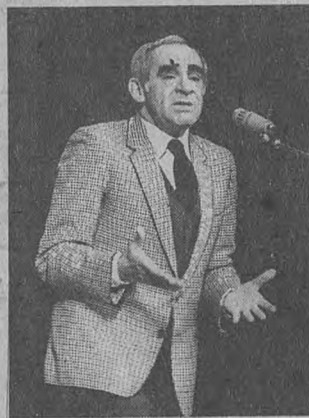
всем малюток, в которых суровый Гердт не признает ангелочков.

Кстати, об ангелах. Если верить Гердту, они существуют и живут среди нас. Это с ними связаны его рассказы о хорошо известном нам режиссере — документалисте Юрии Ледневе, с женой и дочерью наблюдающем животных в местах их обитания в наших северных широтах, о матери его жены, о соседке Свете («шутка с телефоном»). Ангелы не должны понимать шуток, говорит Зиновий Гердт.

Но, видимо, то ли он неправ, то ли просто не было ангелов среди собравшихся в тот вечер в Доме актера, только шутки Гердта поняли, приняли и ответили на них самым искренним смехом все. Налицо была, таким образом, «обратная связь», если воспользоваться одним из терминов эпохи НТР, явное пристрастие к которым обнаружил актер.

Он был интересен нам каждое мгновение двух, словно бы мчавшихся часов концерта — кукольник, киноактер (фильм «Фокусник» — самый для него дорогой, Паниковский в «Золотом теленке» в фильме Швейцера), актер дубляжа (закадровый голос историка в «Фанфан-Тюльпане», например), Гердт — человек, с его пристрастиями и раздумьями о жизни.

С. ГВЕЛЕСИАНИ.

постановке «Маугли»), завершившаяся так очаровательно — по-образцовски: «Вы принимаетесь в стаю», в которой, заметим здесь же, Зиновий Гердт прожил 36 лет. В этой «стае» был создан великолепный гердтовский и конференсье.

Среди тех, кого показал нам Гердт, — дети (начиная с его дочери, спрашивающей в зоопарке отца, каким троллейбусом ей поехать домой, если его сожрет лев), и со-